

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902

ДАГЕСТАНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
(по данным декоративно-прикладного искусства и архитектуры)

М.М. Маммаев,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

misrixan37@mail.ru

Аннотация: В статье освещаются взаимосвязи в различных видах декоративно-прикладного искусства Дагестана и Азербайджана в средние века (XII–XV вв.): в художественной обработке металла, ковроделии, производстве художественной глазурованной керамики, резьбе по камню, дереву и штукатурке, орнаментальном творчестве, а также в архитектуре.

Abstract: The article deals with the relations between Dagestan and Azerbaijan in the Middle Ages (the 12th –15th cc.) in different forms of decorative and applied arts: metal craft, carpetmaking, art enameled stoneware, stone, wood and stucco carving, ornamental activity, and architecture as well.

Ключевые слова: Дагестан, Азербайджан, средние века, художественные контакты, декоративно-прикладное искусство, архитектура, взаимное влияние и обогащение народного творчества.

Keywords: Dagestan, Azerbaijan, Middle Ages, art contacts, decorative and applied arts, architecture, mutual influence and enrichment of arts and crafts.

На протяжении тысячелетий искусство Дагестана и Азербайджана развивалось в тесной взаимосвязи, чему способствовали территориальная близость их, а также устойчивые, уходящие своими корнями в глубокую древность культурные, торговые, политические и этнические связи между азербайджанцами и дагестанскими народами.

Процесс сближения и взаимообогащения материальной и духовной культуры и ее составной части декоративно-прикладного искусства братских народов активно протекал еще с того периода, когда на территории Азербайджана и Дагестана сложилось государство Кавказская Албания (IV в. до н.э. – VII в. н.э.), сыгравшая в пору античности и раннего средневековья важную роль в экономической, политической и культурной жизни Кавказа. Исследованиями азербайджанских и дагестанских археологов и искусствоведов выявлены черты общности в таких видах декоративно-прикладного искусства племен и народов, входивших в состав Кавказской Албании, как художественная обработка металла, керамическое производство, торевтика, глиптика и т.д. (Тревер К.В., 1959. С. 315–334; Рзаев Н.И., 1964. С. 25–27, 98–100; 1965. С. 12, 76–87; Халилов Дж.А., 1985. С. 155–161; Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В., 1976. С. 36–40; Гаджиев М.С., 1987. С. 139–155).

Качественно новый этап во взаимосвязях и взаимодействии искусства Дагестана и Азербайджана наступает в эпоху развитого средневековья (XII–XV вв.) с укреплением и расширением связей во всех сферах экономической, политической и культурной жизни населявших эти страны народов, развитием городов – центров ремесла и торговли, дальнейшим совершенствованием различных отраслей художественного ремесла.

Существенные черты общности и сходства в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана и Азербайджана отчетливо прослеживаются в художественной обработке металла, ковроделии, керамическом производстве, резьбе по камню, архитектурном декоре (резьба по штукатурке) и орнаментальном искусстве.

В одной из важнейших отраслей ремесла – художественной металлообработке, наиболее крупными центрами которой являлись города Барда, Гянджа, Нахичевань и Шемаха в Азербайджане, сел. Кубачи, Кумух, город Дербент и другие населенные пункты в Дагестане, – параллели обнаруживаются в различных по форме, назначению и декоративной отделке медных и бронзовых сосудов – котлов, кувшинов, чаш и светильников (*Эфенди Расим*, 1976. С. 168. Илл. 38–39, 43–47). Изготавливаемые в сел. Кубачи, в крупнейшем художественном центре Дагестана, литые бронзовые котлы XIII–XV вв. с превосходной декоративной отделкой (*Искусство Кубачи*, 1976. С. 180–182. Илл. 36–39, 42, 47–50), а также светильники чираги (*История Дагестана..*, 2005. С. 273) находили широкий сбыт в Закавказье, особенно в Азербайджане. Одна из разновидностей изготавливаемых в Кубачи котлов так называемого открытого типа, вывозимых в значительном количестве в Ширван и пользовавшихся там большим устойчивым спросом, у кубачинцев получил название «ширван-ашак» (ширванский котел) (Рис. 1).

Проф. Р.М. Магомедов обратил внимание на то, что знаменитый азербайджанский поэт и мыслитель Афзаладдин Хагани Ширвани (1121–1199) пишет «о торговой пошлине («бадж»), которую платят зирихгеранские торговцы у ворот Баку, куда они везут свой товар на продажу:

«Баку по своему существованию требует бадж

У хазар, Рея и Зирихгерана».

Далее Р.М. Магомедов отмечает, что «Зирихгеран стоит здесь в одном ряду с огромной Хазарией и иранским городов Реем (предшественником Тегерана)» (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 93).

Кубачинские литые бронзовые котлы изготовлены в ту эпоху, когда Дагестан поддерживал широкие культурные и экономические связи со многими областями Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, где в XIII–XV вв. техника литейного дела достигла высокой степени совершенства. Чудом техники бронзового литья назвал известный востоковед А.Ю. Якубовский (*Якубовский А.Ю.*, 1939. С. 283) литой бронзовый котел XIV в. из мечети Ходжа Ахмада Ясеви в Туркестане, хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже (*Эфенди Расим*, 1976. Илл. 48; *Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В.*, 1976. С. 235. Илл. 113). Это выдающееся произведение средневекового прикладного искусства было выполнено по повелению эмира Тимура для мечети Ходжа Ахмада Ясеви в 801 году хиджры (1399 г.) мастером Абд ал-Азизом, сыном Шараф ад-Дина из Тебриза, «талантливым зодчим и художником, математиком и каллиграфом, модельщиком и литейщиком, сочетавшим в себе высокое мастерство и познания культурного человека своей эпохи» (*Булатов М.С.*, 1969. С. 234).

В тесной взаимосвязи развивалось в течение многих столетий ковроткачество Азербайджана и Дагестана – один из наиболее развитых видов декоративно-прикладного искусства. Хотя ковры Дагестана XII–XV вв. не сохранились до наших дней, тем не менее сравнение более поздних образцов их с азербайджанскими коврами, особенно куба-ширванской группы, свидетельствует о близости их по техническим и художественным признакам – в характерных приемах композиционного построения орнамента кайм и центральных медальонов, а также общего колористического строя (*Керимов Л.Г.*, 1983; *Абдуллаева Н.А.*, 1971. С. 68–69).

Искусство азербайджанского ковроделия, имеющее очень древние и высокоразвитые, основанные на богатейшем опыте традиции, оказало влияние на дагестанское ковровое искусство, особенно Южного Дагестана, представляющего собой смежную с северо-азербайджанским крупную зону развитого ковроткачества на Кавказе.

Хорошо известно, что еще в средние века красочные азербайджанские ковры высокого художественного достоинства, которые изготавливались в знаменитых ковроткацких центрах Ширвана – в Шемахе, Кабале, Куба, Кобыстане и Дербенте, вывозились далеко за пределы кавказского региона, вплоть до стран Западной Европы. И не случайно выдающиеся художники эпохи возрождения Ян Эйк, Ханс Гольбейн, Ханс Мемлинг, Карло Кривелло, Андреа Мантенья вводили в свои картины на различные сюжеты изображения классических ширванских ковров с геометрическими узорами как элемент декора (*Эфенди Расим*, 1976. С. 169; *Керимов Л.Г.*, 1983. С. 30).

Через крупные торгово-ремесленные центры Гянджа, Шемаха, Нуха (Шеки), Дербент ковры Азербайджана вывозились и в горный Дагестан, оказывая определенное влияние не только на местное ковроделие, но и на декоративную отделку средневековых памятников резьбы по камню. Характерные для средневековых азербайджанских и дагестанских ковров композиционные приемы и орнаментация встречаются в художественной отделке некоторых резных мемориальных (надмогильных) памятников XIV–XV вв. в виде вертикально поставленных каменных плит трапециевидной формы из сел. Кубачи Дахадаевского района (Рис. 2), сел. Кумух Лакского района

(Рис. 3) (*Маммаев М.М.*, 2005. С. 103–119) и ряда других селений. Различные орнаментальные и эпиграфические мотивы, навеянные ковровой орнаментацией, встречаются и на отдельных каменных рельефах – деталях архитектурного декора XIV–XV вв. из сел. Кубачи.

В горный Дагестан из Нухи (Шеки), Шемахи, Дербента и других шелкоткацких центров привозились богато декорированные полихромные шелковые ткани, которые любовно воспеты в устно-поэтическом творчестве дагестанцев (Даргала халкыла далуйти, 1970. С. 19, 57, 60, 86). Изобразительные сюжеты и орнаментальные мотивы художественных тканей являлись одним из источников распространения декоративных композиций в различных видах декоративно-прикладного искусства и архитектурного декора Дагестана.

Много общего имеет художественная керамика средневекового Дагестана и Азербайджана, так как становление этого вида прикладного искусства, отражающего художественные вкусы и эстетические представления самых широких слоев населения, происходило в тесной взаимосвязи, а дальнейшее развитие его шло во многом сходными путями.

Выявленная археологическими раскопками в г. Дербенте, а также на городищах Аркас, Ниж. Чугли и т.д. полихромная глазурированная посуда в виде чаш, блюд, тарелок, кувшинов, ваз и пр. XII–XIII вв. – времени расцвета керамического искусства в Закавказье и странах Ближнего и Среднего Востока – по форме, характеру богатой декоративной отделки разнообразными орнаментальными мотивами и изобразительными сюжетами, необычайно яркому колориту находит прямые аналогии в поливной посуде средневекового города Байлакана (городища Оренкала) и других крупных ремесленных центров Азербайджана (*Якобсон А.Л.*, 1959. С. 228–300; *Наджафова Н.Н.*, 1964. С. 57–63, 85. Рис. 84–91, 95–104; *Кудрявцев А.А.*, 1981. С. 78–109). Близка по форме и художественной отделке к азербайджанской и обычная неглазурированная керамика Дагестан периода средневековья.

Немало общих черт прослеживается и в камнерезном искусстве Дагестана и Азербайджана. Наблюдаемый в XII–XV вв. подъем в художественной резьбе по камню был связан с развитием строительного дела и архитектуры, а также изготовлением мемориальных (надмогильных) памятников. Созданные в пору высокого экономического и культурного подъема Зирихгерана-Кубачи знаменитые каменные рельефы XIII–XV вв. – детали архитектурного декора (*Башикиров А.С.*, 1931. Табл. 5–20, 23–31, 33–38, 43–49, 51–54 и др.; *Кильчевская Э.В.*, 1962. Табл. III, 1–9; Табл. IV 5–10; Табл. V, 1–7; *Искусство Кубачи*, 1976. Илл. 26–34, 41, 44–46; *Маммаев М.М.*, 1989. С. 87–103. Илл. 132–175), известные в литературе под не совсем точным названием «албанские рельефы», обнаруживают определенные черты стилевой общности и сюжетно-тематическую близость (в декоративной эпиграфике, изображениях животных и фантастических существ, геральдических композициях) к рельефам декоративного фриза (так называемым Баиловским камням) укрепления XIII в. в Бакинской бухте (*История искусства...*, 1973. Илл. 263–265; *Эфенди Расим*, 1976. Илл. 27–32; *Бретаницкий Л.С.*, 1988. Илл. 120–121)..

Ряд зооморфных образов кубачинских каменных рельефов (лев, грифон, олень и др.) сюжетно и тематически близки к изобразительным мотивам на фасаде мавзолея 1314 г. в сел. Хачин-Дорбатлы Агдамского района Азербайджана (*Эфенди Расим*, 1976. Илл. 34; *Бретаницкий Л.С.*, *Веймарн Б.В.*, 1976. С. 146. Илл. 68). Композиционная и отчасти стилистическая общность прослеживается в орнаментальном и эпиграфическом декоре некоторых мемориальных памятников Азербайджана (стелы с арабскими надписями XIV–XV вв. из сел. Гимылкишлак Хачмасского района, орнамент каменного саркофага XV в. из сел. Келакхана Шемахинского района (*Нейматова М.С.*, 1981. Рис. 20, 25) и т.д.) и сел. Кумух Лакского района (*Шихсаидов А.Р.*, 1984. Илл. 119–121; *Маммаев М.М.*, 1989. Илл. 185).

Близкие параллели обнаруживаются в орнаментальных мотивах и технике резьбы штукowego архитектурного декора мусульманских культовых памятников Дагестана и Азербайджана. Так, узорно-эпиграфические композиции штукowego михраба XII–XIII в. мечети в сел. Калакорейш в Дагестане (*Дебилов П.М.*, 1966. С. 17–37. Рис. 13–17) находят близкие аналогии в штуковой декоре михраба мечети XIII в. Пир-Хусейна ханеги (общезитие для суфиев) на реке Пирсагат в Азербайджане (*История искусства...*, 1973. С. 276–278. Илл. 266–267). А целый ряд геометрических и растительных орнаментальных мотивов штукowych рельефов IX–X вв., обнаруженных археологами в дворцовых сооружениях цитадели и богатых домах феодальной верхушки шахристана г. Дербента, находит параллели в орнаментальных композициях средневековой штуковой резьбы культовых сооружений Азербайджана (*Кудрявцев А.А.*, 1987. С. 83–100).

В художественном творчестве народов Дагестана и Азербайджана важное место занимает орнаментальное искусство, достигшее в эпоху средневековья высокого уровня развития и

совершенства. Богатством мотивов, многообразием композиционных построений и колористических решений отличается как архитектурный орнамент, так и узор различных произведений художественного ремесла. Многие мотивы растительного, геометрического, ленточного, зооморфного и эпиграфического орнамента, памятников архитектуры и произведений прикладного искусства Азербайджана обнаруживают близкие параллели в дагестанском архитектурном орнаменте и узорно-эпиграфическом декоре изделий художественного ремесла. К примеру, орнаментация растительного стиля дворца ширваншахов в Баку (XIII–XVI вв.) (*Луколов П.Е.*, 1946. С. 27–42. Табл. 14–17; *Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В.*, 1976. С. 106–122. Илл. 47; *Аскерова Н.С.*, 1961. Илл. 57–58, 60-2) близка по композиционному решению, стилистически и технике исполнения орнаментальной резьбе некоторых кубачинских каменных рельефов XIV–XV вв., отдельных мемориальных памятников XV–XVI вв. (Рис. 4), резного деревянного мимбара (минбара) XV в. Большой мечети («Хвала мишит»)* [*Мимбар (минбар) был изготовлен в 30-х годах XV в. мастером Хартумом для Джума-мечети, построенной в нижнем квартале сел. Кубачи в 834 г. хиджры/1430–31 гг. нашего летосчисления. На верхней части дверей мимбара, по сторонам нащельника, имеется рельефная арабская надпись (См.: *Маммаев М.М.*, 2013. С. 75. Рис. 4) (перевод востоковеда проф. А.Р. Шихсаидова): «Этот благородный мимбар построил Хартум. Да простит его (Аллах)». В 881 г. хиджры/1476–77 гг. на месте Джума-мечети, сооруженной в 834 г. хиджры/1430–31 гг., было построено капитальное здание Большой мечети. Разобранный мимбар был перенесен в здание Большой мечети. В первоначальном виде его восстановил Мухаммад, сын Хусейна в 897 г. хиджры/1491–92 гг. На одном из деталей мимбара вырезана рельефная арабская надпись (перевод востоковеда-арабиста Х.А. Омарова): «Реставрировал эту благословенную кафедру (минбар) Мухаммад, сын Хусейна». В нижнем левом углу детали помещена дата 897 г. хиджры/1491–92 гг. (*Маммаев М.М.*, 2013. С. 76. Рис. 5).] в сел. Кубачи (Рис. 5–9), выполненного выдающимся мастером-резчиком по дереву Хартумом (*Маммаев М.М.*, 1989. С. 120–122. Рис. 201, 203, 208–209; 2013. С. 66–83. Рис. 1–15). Сложнейшие композиции растительного орнамента этого мимбара близки орнаментальным композициям растительного стиля порталов Диван-ханы и усыпальницы ширваншахов в г. Баку (*Дадашев С.А., Усейнов М.А.*, 1956. Табл. 30, 54; *Аскерова Н.С.*, 1961. Табл. 57–58; *Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В.*, 1976. С. 119. Рис. 54). Их сближают густой и насыщенный орнамент изысканной и совершенной формы, принципы его построения, характер двуплановой резьбы узорных элементов и др. Можно уверенно полагать, что из Азербайджана проникли в Дагестан наборные решетки типа «шебеке», представленные в декоре мимбара (Рис. 9).

Среди растительного орнамента Азербайджана находит параллели орнаментальная композиция, именуемая в истории орнамента «вечное возвращение». В Дагестане этот мотив встречается как на надмогильных памятниках, так и в архитектурном декоре (Рис. 10–11).

Мотив «вечное возвращение» представляет собой раппортная орнаментальная композиция в виде чередования двух видов трилистников (или пальметт) – многократного повторения смены бутона и цветка или цветка и плода, сильно стилизованных до неузнаваемости. Он выражает идею циклически обновляющейся, бесконечно повторяющейся вечности, ее круговорота. Как отмечает Л.А. Лелеков, «тема эта, с ее явным архаическим привкусом, на Древнем Востоке была нередко связана с погребальными мемориалами, с понятием вечности за гробом. Очевидно, поэтому в искусстве ислама она очень часта на мавзолеях. Достаточно назвать знаменитую усыпальницу Санджара в старом Мерве XII в. или гробницу ширваншахов в Баку» (*Лелеков Л.А.*, 1978. С. 76).

Выразительные образцы мотива «вечное возвращение» украшают надмогильные памятники XV–XVI вв. сел. Кумух Лакского района и Вихли Кулинского района (Рис. 10). В архитектурном декоре рассматриваемый мотив представлен на резной каминной (надочажной) плите первой половины XV в. из сел. Кубачи (Рис. 11), хранящейся ныне в Государственном Эрмитаже (*Искусство Кубачи*, 1976. Рис. 34).

Аналогичные мотивы «вечное возвращение» в разных изводах представлены среди превосходно исполненных разнообразных орнаментальных композиций тимпана портала усыпальницы дворца ширваншахов в г. Баку (*Дадашев С.А., Усейнов М.А.*, 1956. Табл. 30, 1, 60, 2), а также в настенной резьбе по многоцветной поливной терракоте мавзолея 1372 г. Шади Мульк-ака мемориального архитектурного комплекса XIV–XV вв. Шахи-Зинда в г. Самарканде (*Лелеков Л.А.*, 1978. С. 74–76. Рис. 37–39).

В средневековом искусстве Закавказья мотив «вечное возвращение» известен и в грузинском чеканном искусстве конца XII в. – в произведениях грузинского художника по металлу (чеканке) Бека Опизари (*Амиранашвили Ш.Я.*, 1963. С. 249–253. Рис. 134–137), а также в чеканном искусстве

средневековой Армении – на позолоченном серебряном складене 1300 г., хранящемся в музее Эчмиадзинского собора (Декоративное искусство средневековой Армении, 1971. С. 47–48. Рис. 149–151).

Подобные же мотивы в виде фризовых композиций довольно широко представлены и в архитектурном декоре культовых сооружений XII–XV вв. Древней Руси (Воронин Н.Н., 1961. Рис. 182; Вагнер Г.К., 1975. С. 156–157. Рис. 120–128; Лелеков Л.А., 1978. С. 71. Рис. 36).

Исследователи древнерусского искусства считают, что мотивы эти обнаруживают близкую связь с ближневосточными и среднеазиатскими орнаментальными композициями, составленными из двух чередующихся разнотипных пальметт. Однако при явном отталкивании от восточных образцов «русские изводы этой традиционной темы подвергнуты собственной художественно-стилистической переработке» (Лелеков Л.А., 1978. С. 74, 79–80).

Близость, а то и совпадения фризовых композиций «вечное возвращение» – чередование двух разнотипных пальметт, представленных в искусстве XII–XV вв. средневекового Дагестана, Закавказья, Средней Азии и Древней Руси, не случайная. Исходные мотивы их обнаруживаются в искусстве Древнего Востока (Дебиров П.М., 1979. С. 58. Рис. 21; Лелеков Л.А., 1978. С. 82; Куликан У., 2002. Илл. 33 (фото). С. 171. Рис. 47). Кроме того, широкие торгово-экономические связи в эпоху средневековья между различными странами способствовали распространению вместе с изделиями художественного ремесла однотипных орнаментальных композиций.

Но в каждой из отмеченных историко-культурных зон мотивы «вечное возвращение», имея свои многообразные варианты композиционного решения, отличаются местными особенностями художественно-стилистической трактовки.

Широко представлен в архитектурном декоре Дагестана и Азербайджана эпиграфический орнамент, выполненный с большим мастерством. Наряду с растительным, геометрическим, ленточным, зооморфным, комбинированным видами орнамента эпиграфический орнамент – арабские надписи, выполненные декоративно проработанными буквами, данные обычно на фоне растительного узора (Рис. 8,12), нередко и без него, – являлся составной частью художественного образа различных архитектурных сооружений.

Из Азербайджана проник в Дагестан эпиграфический орнамент в виде лабиринта, составленного своеобразным размещением геометризованных арабских букв, образующих четырехугольные «панно». Такой орнамент, отличающийся особой замысловатостью, обрамленный растительным орнаментом, представлен на деталях – резных вставках деревянного мимбара (кафедры) XV в. Большой мечети в сел. Кубачи (Рис. 13) (Маммаев М.М., 2013. С. 79. Рис. 9). Орнамент из геометризованных арабских букв, образующих четырехугольное «панно», обрамленное растительным узором в виде неширокой полоски, имеется и на верхнем участке центрального поля надмогильного памятника XV в. в сел. Кумух Лакского района (Дебиров П.М., 1966а. Рис. 101).

Аналогичный буквенный орнамент широко представлен в средневековом архитектурном декоре Азербайджана – на мавзолеях XIII–XV вв. в Барде, Ардебиле, в сел. Карабаглар, декоре дворца ширваншахов в г. Баку и т.д. (Аскерован Н.С., 1961. С. 13. Табл. 5, 13, 64–65; Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В., 1976. С. 127. Илл. 59; С. 138–140. Илл. 64–65; Бретаницкий Л.С., 1960. С. 49–50. Илл. 6–7; Манучаров Е.М., Саламзаде А.В., Султанов И.Г., 1947. С. 145–225; Эфенди Расим, 1976. Илл. 26). Этот вид орнамента часто встречается и в архитектурном декоре Средней Азии – на мавзолее XIV в. в Шахи-Зинда в г. Самарканде, на фасаде медресе Улугбека начала XV в., входном портале мавзолея Гур-Эмир XV в. в г. Самарканде (Ремпель Л.И., 1961. Рис. 137, 2, 3, 146, 6, 152, 197; Rice D.T., 1977. P. 210. Fig. 215) – и мусульманских стран Ближнего Востока – на минарете XIV в. в г. Исфахане (Веймарн Б.В., 1974. С. 24–25; Rice D.T., 1977. P. 62. Fig. 59. P. 126) и др. По поводу этого орнамента Л.И. Ремпель отмечает, что «подобные лабиринты строятся на сетке квадратов и настолько запутаны, что вполне оправдывают свое наименование» (Ремпель Л.И., 1961. С. 430).

Близкие аналогии в средневековом архитектурном декоре Азербайджана находят орнаментальные плетенки в виде различных узлов, часто в сочетании с эпиграфическим орнаментом (Рис. 14). Наиболее ранние формы таких плетенок встречаются в штуковой резьбе михраба мечети в сел. Калакорейш (Дебиров П.М., 1966б. Рис. 15). К ним близка по рисунку плетенка, высеченная на каменном рельефе XIII–XIV в., находящемся в прошлом в сел. Кубачи (Алиханов Р.А., 1963. Рис. 10,1) (ныне рельеф находится в ДГОМ).

В последующее время плетенки становятся менее геометризованными, а по рисунку – более сложными, замысловатыми. Выразительные образцы такого рода плетенок представлены на камне

удлиненно-четырёхугольной формы с арабской надписью, данной на фоне растительного узора (Маммаев М.М., 2005. С. 166. Рис. 57), вмонтированном в кладку аркады Большой мечети XV в. в нижнем квартале сел. Кубачи (Рис. 14). В надписи стволы арабских букв, раздваиваясь в средней части и переплетаясь между собой (взаимно пересекаясь лентами), образуют так называемые «узлы счастья» или «узлы благоденствия». Аналогичные сплетения раздвоенных в средней части стволов арабских букв, образующие узлы в виде петель, сердечек, звездочек и других замысловатых фигур, представлены и на других кубачинских каменных рельефах – деталях архитектурного декора, а также на ряде надмогильных памятников XIV–XV вв. (Рис. 15).

Оригинальные и своеобразные плетенки, значительно усиливающие декоративные качества эпиграфического орнамента, имеются среди эпиграфического орнамента на архивольте кубачинского тимпана XV в. из собрания ДГОМ (Маммаев М.М., 1989. С.290. Рис. 164; 2005. С. 79. Рис. 17). На некоторых средневековых кубачинских каменных рельефах орнаментальные плетенки в виде различных узлов являются центральными элементами трехчастных геральдических композиций с изображениями противостоящих животных (Башикиров А.С., 1931. Табл. 29). Плетенки-узлы своеобразных форм представлены также среди изображений верхнего продольного фриза калакорейского саркофага (Маммаев М.М., 1989. С. 298. Рис. 177). Плетенки, образующие узлы разных композиционных схем, встречаются и на средневековых памятниках искусства резьбы по дереву: на западных дверях мечети в сел. Калакорейш (Дебиров П.М., 1982. Рис. 55; Маммаев М.М., 1989. С. 312–313. Рис. 192–195) и на резном деревянном опорном столбе XIV–XV вв. мечети в сел. Ицари (Дебиров П.М., 1982. Рис. 99).

На памятниках искусства резьбы по камню и дереву Дагестана плетенки, образующие разнообразие узлов, выполнены с соблюдением принципа симметрии относительно вертикальной оси и отличаются выразительными, но замысловатыми композиционными решениями. Мастера использовали их довольно широко не только для того, чтобы разнообразить орнаментальные мотивы, но и для усиления их декоративных качеств.

Аналогичные кубачинским плетенки в виде узлов, называемых «узлами счастья», «символами счастья» или «символами благоденствия», широко представлены в средневековом архитектурном декоре и на различных изделиях художественного ремесла Азербайджана (Аскерова Н.С., 1961. С. 32–33. Табл. 32; Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В., 1976. С. 63. Илл. 27, 29; Шелковников Б.А., 1959. С. 320. Табл. X; История искусства., 1973. Илл. 272–273) (орнамент тимпана двери мавзолея Момине-хатун 1168 г. и декоративного фриза мавзолея Юсуфа сына Кусейра 1162 г. в Нахичевани; декор фаянсовых сосудов из раскопок городища Орен-кала и др.), а также стран Ближнего и Среднего Востока (Ремпель Л.И., 1961. Рис. 55, 123, 125, 137 и др.; Пугаченкова Г.А., 1967. Рис. на с. 168; История искусства., 1973. С. 66–67. Илл. 56; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1982. Рис. на с. 27, 31; Веймарн Б.В., 1974. Илл. 46–47, 106; Rice D.T., 1977. Fig. 73).

Близкую параллель с архитектурным орнаментом Азербайджана обнаруживает мотив так называемой «сельджукской цепи», представленный в виде узкого рамочного обрамления изображений двух рельефных противостоящих птиц, высеченных в плоском рельефе на четырехугольном каменном блоке XV в. (29,5×18,5 см) Эрмитажного собрания (Рис. 16), происходящем из сел. Кубачи. Композиция «сельджукской цепи» составлена из вытянутых четырехугольников, чередующихся попеременно с отрезками плетенки из двух лент, образующих геометризованные S-видные звенья. Изображения птиц, помимо «сельджукской цепи», обрамляет еще растительный орнамент в виде волнистого побега стебля с попеременными отгибами в его обе стороны ответвлений, оканчивающихся полутрилистниками. «Сельджукская цепь» значительно усиливает декоративную выразительность всей композиции.

Мотив «сельджукской цепи» широко применялся в средневековом камнерезном искусстве лакцев – в декоративной отделке надмогильных памятников XVI–XVII вв. так называемого «шамхальского стиля» (Дебиров П.М., 1966а. С. 51). Этот мотив встречается обычно в виде рамочного обрамления крупного рельефного медальона, высеченного на верхней части центрального поля надгробия, а также в виде обрамления прямоугольника, располагающегося в средней или нижней части центрального поля плиты и заполненного внутри арабской надписью (Дебиров П.М., 1966а. Рис. 98). Нередко «сельджукская цепь» окаймляет все центральное декорированное поле надмогильного памятника (Дебиров П.М., 1966а. Рис. 100).

«Сельджукская цепь» кумухский надгробий XVI–XVII вв. образована переплетением двух двойных лент, создающих ритмично чередующиеся вытянутые и правильной формы многоугольники, составляющие «звенья цепи». Углы поворотов решены в форме буквы «Г», а узлы пересечения имеют форму перекрестий.

В разных интерпретациях мотив «сельджукской цепи» довольно широко представлен в средневековом искусстве Азербайджана, а также других стран Закавказья и Ближнего Востока. Прекрасно разработанные в композиционном отношении мотивы типа «сельджукская цепь» украшают детали зданий ансамбля Дворца Ширваншахов XV в. в Баку (*Дадашев С.А., Усейнов М.А.*, 1956. Табл. 31,1, 33,2, 37,2, 65–66, 69–71; *Аскерова Н.С.*, 1961. Табл. 30–31), мавзолея XIV в. в Барде (*Аскерова Н.С.*, 1961. Табл. 30,4). Наряду с растительным орнаментом и арабскими надписями этот орнамент украшает надгробия середины XIII в. у ханеги на р. Пирсагат (*Аскерова Н.С.*, 1961. Табл. 30,5) и у сел. Хазра Куткашенского района (Эфенди Рсим, 1976. Илл. 73). Мотив «сельджукская цепь» относится к числу широко распространенных мотивов в средневековом искусстве стран Закавказья и Ближнего Востока. В Дагестан этот мотив проник, вероятно, из Ширвана, но местные мастера придали ему своеобразие, подвергнув художественно-стилистической переработке, сохранив при этом общепринятую композиционную основу.

П.М. Дебиров в работе «Резьба по камню в Дагестане» прослеживает «сходство декоративных форм кумухских надгробий «шамхальского стиля» и памятников азербайджанского монументального искусства XV–XVI вв.». Он сравнивает орнаментальный декор портала так называемого «Ворот Мурада» Дворца ширваншахов в Баку с орнаментальными композициями кумухских надгробий XV–XVI вв. (*Дебиров П.М.*, 1966а. С. 73–74), что находит свое объяснение в длительных и широких торгово-экономических, политических и культурных связях Дагестана с государством ширваншахов (*Магарамов Ш.А.*, 2005. С. 24–26).

В средневековом архитектурном орнаменте Азербайджана находят аналогии и розетки геометрического орнамента, представленные на памятниках камнерезного искусства и художественного бронзового литья XIII–XV вв. сел. Кубачи. Один из выразительных образцов розеток геометрического орнамента высечен на четырехугольном каменном блоке (21,5x29 см), находящемся ныне в кладке аркады (южная сторона) Большой мечети в сел. Кубачи (Рис. 17). Розетка заключена в листовидный медальон, рельефно выступающий над поверхностью четырехугольного каменного блока. Рельефный рисунок розетки, составленный из шестилепесткового медальона и пересекающихся по диагонали двух треугольников, стороны которых, изгибаясь в середине и переплетаясь между собой, образуют плетенку, отличается четкостью и законченностью уравновешенной композиции.

Два взаимно пересекающихся треугольника – один основанием вверх, а другой вниз – образуют шестиконечную звезду.

Очень близкие по рисунку розетки геометрического характера, заключенные в круглые медальоны, имеются и на бортиках кубачинских литых бронзовых котлов XIII–XIV вв. открытого типа (Рис. 18). Они помещены по сторонам слива. Плоскорельефные розетки образованы двумя взаимно пересекающимися треугольниками, образующими гексаграмму. Стороны треугольников, переплетаясь со сторонами шестилепестковых розеток, образуют плетенку сложного рисунка.

Близкие описанным розетки геометрического орнамента встречаются в убранстве мавзолея Момине-хатун XII в. в Нахичевани (*Аскерова Н.С.*, 1961. Табл. 31,4), а также в архитектурной резьбе Средней Азии (*Ремпель Л.И.*, 1961. Рис. 58; *Ахраров И., Ремпель Л.*, 1971. Рис. 13, 21-в), где они обычно выполнены в шtukе. Подобного рода розетки можно встретить и на различных изделиях восточного художественного ремесла (*Ремпель Л.И.*, 1963. Рис. 26-б; *Даркевич В.П.*, 1975. С. 227. Илл. 360–361; *Якобсон А.Л.*, 1950. С. 190–191. Рис. 119).

Ширвано-дагестанские экономические и культурные связи усилились в XIV–XVI вв. в период правления дербентской династии ширваншахов (1382–1538). Значительное культурное влияние оказывал Ширван, особенно на Южный Дагестан в период правления ширваншахов Ибрахима I Дербенди (1382–1417), Халилуллаха I (1417–1462) и Фаррух Йасара (1462–1500), когда Ширван достиг своего наибольшего расцвета. В это время ширваншахи активизировали строительную деятельность в Дагестане. Это «подтверждают, – как отмечает Л.С. Бретаницкий, – строительные надписи некоторых сооружений Дербента с именами зодчих из Баку. Устад-бенна Тадж-ад-Дин из Баку в 1368 г. восстановил древнюю Джума-мечеть, ме'мар Гаджи-Ахмед участвовал в строительстве ворот Кырхлар» (*Бретаницкий Л.С.*, 1988. С. 80). Как пишет далее Л.С. Бретаницкий, «имеется немало сооружений, не сохранивших строительные надписи, но стилистически принадлежащих к ширванскому художественному кругу... Общие пропорции, архитектурные элементы и начертание стрельчатой арки, опертой на приземистые колонны с грузными и грубовато прорисованными капителями [пристройки в воротах Орта-капы крепостных стен Дербента], стилистически близки архитектурным формам колоннады Диван-хане [дворца Ширваншахов в г. Баку]» (*Бретаницкий Л.С.*, 1988. С. 80–81).

О близости минарета магальной Минарет-мечети, расположенной вблизи ворот Джарчи-капы Дербента, «по характеру кладки и пропорциям к ширванским минаретам XIII–XV вв., особенно минаретам мечети в Ханларе (1265–1267) и дворцовой мечети (1441/1442) в Баку», – пишет С.О. Хан-Магомедов (*Хан-Магомедов С.О.*, 1979. С. 149). При ширваншахе Фаррухе Йасаре было построено медресе в Дербенте («Фарруховское медресе») (*История Дагестана...* Т. 1. 2005. С. 275).

Влияние ширвано-апшеронской архитектуры на архитектуру средневекового Дагестана было значительным, особенно на архитектуру г. Дербента и прилегающих к нему селений и обществ, находившихся в конце XIV – начале XV в. в политической зависимости от Ширвана.

Многовековые тесные взаимосвязи в различных сферах экономики и культуры Дагестана и Азербайджана способствовали взаимовлиянию и взаимообогащению их искусства, а также взаимосближению азербайджанцев и дагестанцев, выработке на этой основе определенных черт их этнической близости, взаимопроникновению их традиций и культур.

Процесс взаимообогащения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, архитектуры, музыки, хореографии и т.д. продолжался в новое и новейшее время. Этот процесс не прекращается и в наши дни. Но эта тема уже другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаева Н.А.* Ковровое искусство Азербайджана. Баку: Изд-во «Элм», 1971. – 150 с.
- Алиханов Р.А.* Кубачинский орнамент. М.: Гос. изд. литературы по бытовому обслуживанию населения, 1963. – 13 с., 40 табл. илл.
- Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. М.: Искусство, 1963. – 460 с., 270 табл. илл.
- Аскерова Н.С.* Архитектурный орнамент Азербайджана. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1961. – 67 с., илл.
- Ахраров И., Ремпель Л.* Резной штук Афрасиаба. Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Г. Гуляма, 1971. – 158 с.
- Башикиров А.С.* Искусство Дагестана. Резные камни. М: РАНИОН, 1931. – 118 с., 107 табл. илл.
- Бретаницкий Л.С.* Архитектурные школы и проблемы стиля в зодчестве средневекового Азербайджана (XII–XV вв.) // Исследования по истории культуры народов Востока, Сб. в честь акад. И.А. Ордели. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 527 с.
- Бретаницкий Л.С.* Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. Монументально-декоративное искусство. Архитектура. Художественное ремесло. Избранные труды. М: Советский художник, 1988. – 256 с.
- Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В.* Искусство Азербайджана IV–XVIII вв. М.: Искусство, 1976. – 272 с.
- Бретаницкий Л.С., Елкин Г.А. и др.* Архитектурный комплекс в сел. Карабаглар // Архитектура Азербайджана эпохи Низами. Сб. статей. М.–Баку, 1947. С. 256–276.
- Булатов М.С.* Шедерв мастера Абдль Азиза (из истории художественного литья в эпоху среднеазиатского Ренессанса // СА. 1969. № 2. С. 225–235.
- Вагнер Г.К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII век. М.: Искусство, 1975. – 183 с.
- Веймарн Б.В.* Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII веков. М.: Искусство, 1974. – 188 с.
- Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 583 с.
- Гаджиев М.С.* Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала: Издание Дагфилиала АН СССР, 1987. С. 139–155.
- Дадашев С.А., Усейнов М.А.* Ансамбль Дворца ширваншахов в Баку. М., 1956. – 22 с., 76 табл. илл.
- Даргала халакыла далуйти (Даргинские народные песни). На дарг. яз. / Сост. З. Магомедов и Ф. Алиева. Махачкала: Издание Дагфилиала АН СССР, 1970. – 174 с.
- Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе. X–XIII вв. М.: Искусство, 1975. – 352 с.
- Дебилов П.М.* Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука. Главная редакция восточной лит-ры, 1966 а. – 208 с.

- Дебилов П.М.* Архитектурная резьба Дагестана. М.: Наука. Главная редакция восточной лит-ры, 1966б. – 95 с.
- Дебилов П.М.* Истоки орнамента растительного стиля (по материалам архитектурного и ювелирного орнамента Дагестана средневекового периода) // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Сб. статей. Махачкала: Издание Дагфилиала АН СССР, 1979. С. 35–69.
- Дебилов П.М.* Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука. Главная редакция восточной лит-ры, 1982. – 238 с., 345 рис.
- Декоративное искусство средневековой Армении / Сост. Н. Степанян, В. Чакмакчян. Вступ. статья Н. Степанян. Л.: Аврора, 1971. – 169 с., 166 илл.
- Искусство Кубачи. Альбом / Автор-сост. А.А. Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. – 208 с.
- История Дагестана с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. Т. 1. М.: Наука, 2005. – 628 с.
- История искусства народов СССР в 9-ти томах. Т. 2. Искусство IV–XIII веков. М.: Изобразительное искусство, 1973. – 443 с.
- Керимов Л.Г.* Азербайджанский ковер. Т. II. Баку: Гянджлик, 1983. – 304 с., 144 илл.
- Кильчевская Э.В.* Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Гос. изд-во местной промышл. и художеств. промыслов РСФСР, 1961. – 81 с, XVI табл. илл.
- Кудрявцев А.А.* Поливная художественная керамика Дербента VIII–X вв. // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Сб. статей. Махачкала: Издание Дагфилиала АН СССР, 1979. С. 111–132.
- Кудрявцев А.А.* Поливная керамика Дербента XI – сер. XIII веков // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала: Издание Дагфилиала АН СССР, 1981. С. 78–109.
- Кудрявцев А.А.* Резной штук средневекового Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала: Издание Дагфилиала АН СССР, 1987. С. 83–100.
- Куликан Уильям.* Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов. Перев. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2002. – 223 с.
- Лелеков Л.А.* Искусство Древней Руси и Восток. М.: Советский художник, 1978. – 159 с.
- Магарамов Ш.А.* Взаимоотношения народов Дагестана с государством ширваншахов в VI–XVI вв. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2005. – 27 с.
- Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. I. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. – 447 с.
- Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 346 с.
- Маммаев М.М.* Взаимосвязи Дагестана и Азербайджана в области декоративно-прикладного искусства в XII–XV вв. // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала: Издание Института ИАЭ ДНЦ РАН, 2004. – 312 с.
- Маммаев М.М.* Зирихгеран-Кубачи: очерки по истории и культуре. Махачкала: Издание ДНЦ РАН, 2005. – 250 с.
- Маммаев М.М.* К интерпретации орнаментального декора памятника камнерезного искусства и арабской эпиграфики XV в. из с. Кумух // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2005. № 2. С. 103–119.
- Маммаев М.М.* Дагестан и Азербайджан: взаимосвязи искусств в XI–XV вв. // Дагестанская правда. 2006. – 10 октября. С. 3. Под рубрикой «Год России в Азербайджане» статья перепечатана в «Независимой газете (еженедельник) Брифинг». Баку, 2007. – 2–9 июня. С. 11 (0,3 п.л.).
- Маммаев М.М.* Минбар XV в. Большой мечети в с. Кубачи – выдающееся произведение средневековой художественной резьбы по дереву Дагестана // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2013. № 4(36). С. 66–83. – 15 рис.
- Манучаров Е.М., Саламзаде А.В., Султанов И.Г.* Архитектура мавзолеев г. Барды // Архитектура Азербайджана эпохи Низами. Сб. статей. М.–Баку, 1947. С. 145–225.
- Наджафова Н.Н.* Художественная керамика Азербайджана XII–XV вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1964. – 140 с.
- Нейматова М.С.* Мемориальные памятники Азербайджана (XII–XIX вв.). Баку: Элм, 1981. 76 с., илл.

- Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // Орбели И.А. Избранные труды. Ереван: Изд-во АН Армян. ССР, 1963. – С. 347–361.
- Пугаченкова Г.А.* Искусство Туркменистана: очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967. – 328 с.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.
- Пуколов П.Е.* Орнаменты комплекса зданий Дворца ширваншахов в Баку // Памятники архитектуры Азербайджана. Т. 1. Баку, 1946. С. 37–42. Табл. 14–17.
- Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Узбекистана: история развития и теория построения. Ташкент: Госиздат художеств. лит-ры УзССР, 1961. – 606 с.
- Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Южного Туркменистана X – начала XIII в. и проблема «сельджукского стиля» // Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад: Изд-во АН Туркмен. ССР, 1963. С. 249–308.
- Рзаев Н.И.* Художественная керамика Кавказской Албании. Баку, 1964.
- Рзаев Н.И.* Искусство Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. Баку, 1965.
- Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 392 с.
- Халилов Дж.А.* Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1985. – 277 с.
- Хан-Магомедов С.О.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М.: Искусство, 1979. – 286 с.
- Шелковников Б.А.* Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури из Орен-кала // Труды Азербайджанской (Орен-калинской) археологической экспедиции. Т. 1. МИА. № 67. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 303–323.
- Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 464 с.
- Эфенди Расим.* Декоративно-прикладное искусство Азербайджана (средние века). Баку: Ишыг, 1976 (на азерб. и рус. яз.). – 190 с., илл.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / МИА. № 17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 256 с., 40 табл. илл.
- Якобсон А.Л.* Художественная керамика Байлакана (Орен-кала) // Труды Азербайджанской (Орен-калинской) археологической экспедиции. Т. 1. МИА. № 67. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 228–302.
- Якубовский А.Ю.* Мастера Ирана и Средней Азии при Тимуре // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград. Сентябрь 1935. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 301 с., 121 табл. илл.
- Rice D.T.* Islamic Art. London, 1977. – 288 p.

Рис. 1. Литой бронзовый котел открытого типа XV–XVI вв.
из с. Кубачи. Ширван ашак. ГЭ. По А.А. Иванову.

Рис. 2. Надмогильный памятник из с. Кубачи, украшенный по боковым краям орнаментальными полосками, характерными для кайм ковров. XV в. Прорисовка.

Рис. 3. Надмогильный памятник из с. Кумух с растительным орнаментом и арабскими надписями. По краям памятника – П-образная полоска с орнаментальной композицией «вечное возвращение». В центре памятника, в прямоугольнике – арабская надпись: «Это могила паломника обеих святых Умара, сына Ахмада». В нижнем конце надгробия – арабская надпись: «Дата – восемьсот восемьдесят девятый год» [хиджры] / 1484–85 гг. нашего летоисчисления. Прорисовка.

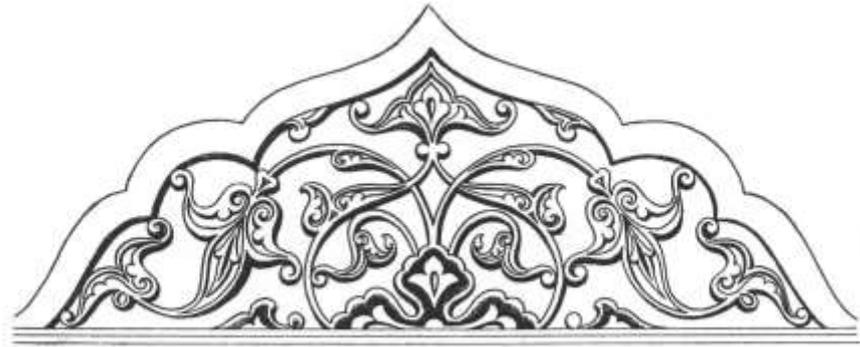

Рис. 4. Орнамент верхней части надмогильного памятника XV в. из с. Кубачи. Прорисовка. По Р.А. Алиханову.

Рис. 5. Орнамент и арабская надпись на детали деревянного минбара XV в. Большой мечети («Хвала мишит») в с. Кубачи. Прорисовка.

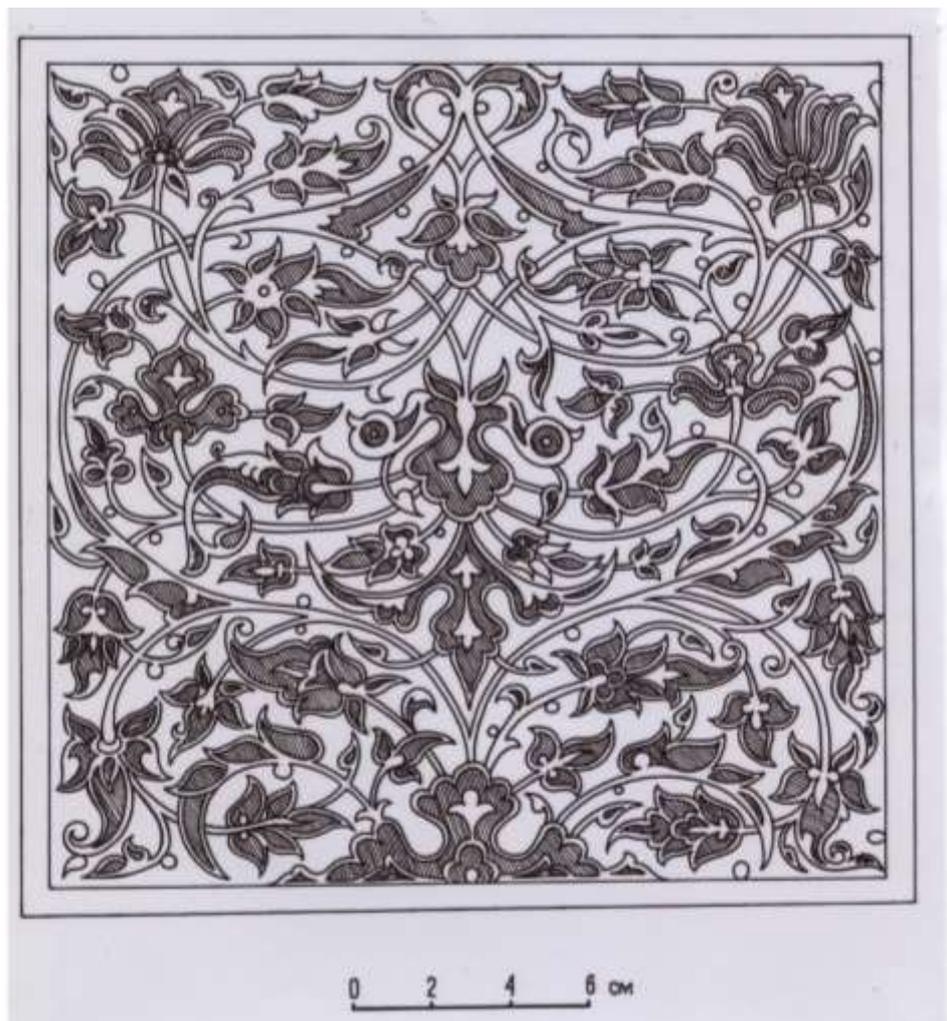

Рис. 6. Деталь минбара XV в. Большой мечети в с. Кубачи с растительным орнаментом
двуплановой резьбы. Прорисовка.

Рис. 7. Деталь минбара XV в. Большой мечети в с. Кубачи с растительным орнаментом многоплановой резьбы.

Рис. 8. Детали минбара XV в. Большой мечети в с. Кубачи с рельефными арабскими надписями на фоне растительного орнамента.

Рис. 9. Деревянные двери минбара XV в. Большой мечети в с. Кубачи с растительным орнаментом, арабскими надписями, инкрустацией кусочками темного дерева (орех) и слоновой костью, полихромной раскраской и решетками «шебеке».

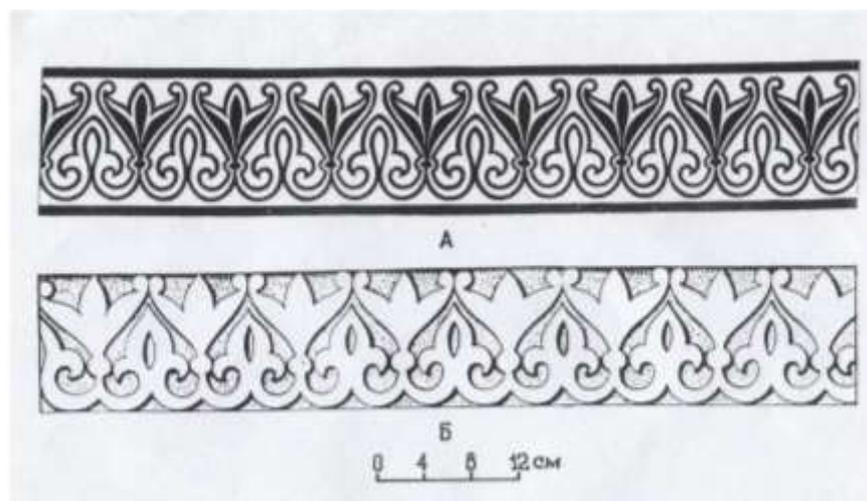

Рис. 10. Орнаментальные композиции «вечное возвращение»: А – на надмогильном памятнике из с. Кумух Лакского района; Б – на надмогильном памятнике из с. Вихли Кулинского района. XV–XVI вв. Прорисовка.

Рис. 11. Каминная (надочажная) плита первой половины XV в. из с. Кубачи с мотивом «вечное возвращение» в полукруге. ГЭ.

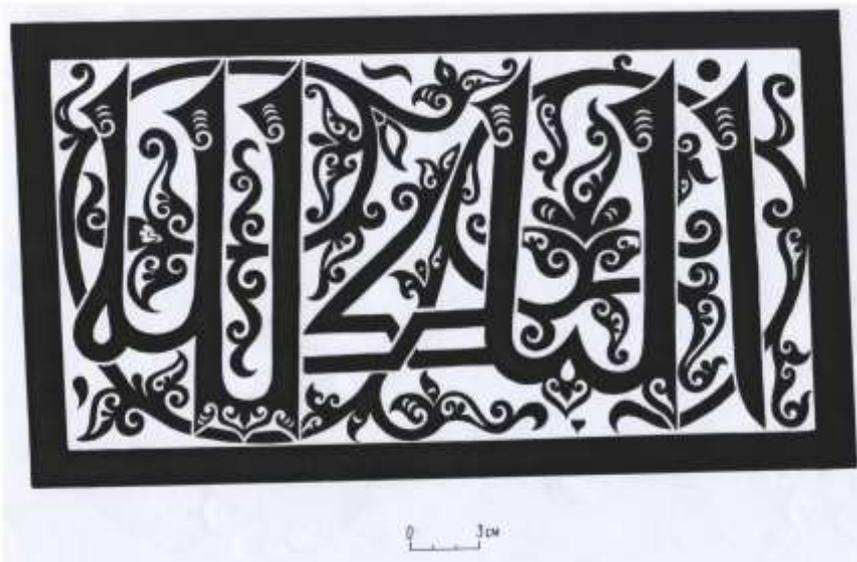

Рис. 12. Каменный рельеф – архитектурная деталь XV в. из с. Кубачи с рельефной арабской надписью на фоне растительного орнамента. Прорисовка. ДГОМ.

Рис. 13. Деталь минбара XV в. Большой мечети в с. Кубачи с геометризированными арабскими буквами, обрамленными растительным орнаментом. Прорисовка.

Рис. 14. Каменный рельеф XV в. с декоративной арабской надписью и «узлами благоденствия» на фоне растительного орнамента. Рельеф вставлен в кладку южной стороны центральной аркады Большой мечети в с. Кубачи.

Рис. 15. Надмогильный памятник XV в. из с. Кубачи, украшенный по краям декоративной арабской надписью на фоне растительного орнамента. В средней части центрального поля – плетенка «узел благоденствия».

Рис. 16. Каменный рельеф – архитектурная деталь XIV в. из с. Кубачи с изображениями птиц в обрамлении орнаментального мотива «сельджукская цепь» и растительного орнамента «вьюнок». Прорисовка ГЭ.

Рис. 17. Каменный рельеф – деталь архитектурного декора XV в. из с. Кубачи с гексаграммой, переплетающейся с шестилепестковой розеткой, которые заключены в круглый медальон с заостренным верхом. Рельеф вставлен в кладку южной стороны центральной аркады Большой мечети.

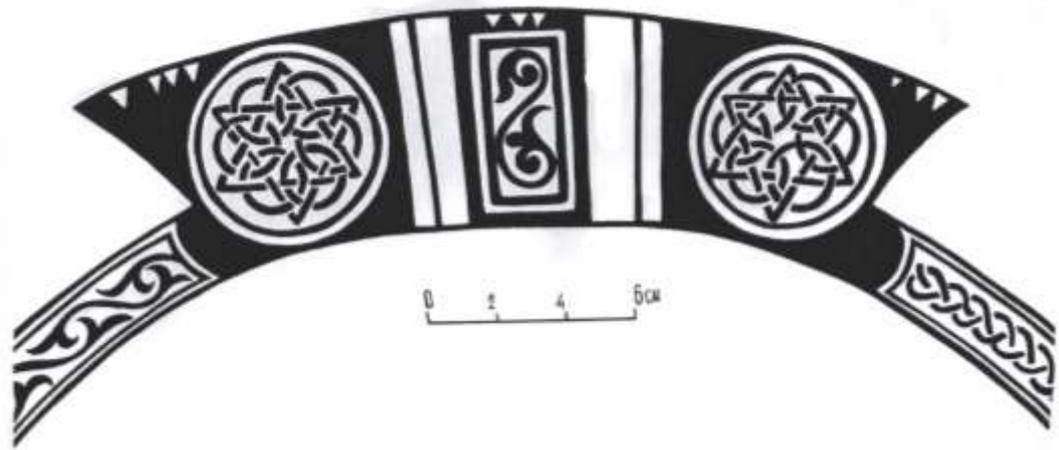

Рис. 18. Орнамент на бортике бронзового котла XII–XIII в. Прорисовка.